

Эдуард Веркин

ОБЛАЧНЫЙ
ПОЛК

КомпасГид
издательский дом

Эдуард Николаевич Веркин

Облачный полк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8910655

Облачный полк: КомпасГид;

ISBN 978-5-00083-014-7

Аннотация

Сегодня писать о войне – о той самой, Великой Отечественной, – сложно. Потому что много уже написано и рассказано, потому что сейчас уже почти не осталось тех, кто ее помнит. Писать для подростков сложно вдвойне. Современное молодое поколение, кажется, интересуют совсем другие вещи...

Оказывается, нет! Именно подростки отдали этой книге первое место на Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру». Именно у них эта пронзительная повесть нашла самый живой отклик. Сложная, неоднозначная, она порой выворачивает душу наизнанку, но и заставляет лучше почувствовать и понять то, что было.

Перед глазами предстанут они: по пояс в грязи и снегу, партизаны конвоируют перепуганных полицаев, выменивают у немцев гранаты за знаменитую лендлизовскую тушенку, отчаянно хотят отогреться и наесться. Вот Димка, потерявший семью в первые дни войны, взявший в руки оружие и мечтающий открыть наконец счет убитым фрицам. Вот и дерзкий Саныч, заговоренный цыганкой от пули и фотокадра, болтун и боец

от бога, боящийся всего трех вещей: предательства, топтуна из бабкиных сказок и строгой девушки Алевтины. А тут Ковалец, заботливо приглаживающий волосы франтовской расческой, но смелый и отчаянный воин. Или Шурик по кличке Щурый, мечтающий получить наконец свой первый пистолет...

Двадцатый век закрыл свои двери, унеся с собой миллионы жизней, которые унесли миллионы войн. Но сквозь пороховой дым смотрят на нас и Саныч, и Ковалец, и Алька и многие другие. Кто они? Сложно сказать. Ясно одно: все они – облачный полк.

«Облачный полк» – современная книга о войне и ее героях, книга о судьбах, о долге и, конечно, о мужестве жить. Книга, написанная в канонах отечественной юношеской прозы, но смело через эти каноны переступающая. Отсутствие «геройства», простота, недосказанность, обыденность **ВОЙНЫ** ставят эту книгу в один ряд с лучшими произведениями XX века.

Помимо «Книгуру», «Облачный полк» был отмечен также премиями им. В. Крапивина и им. П. Бажова, вошел в лонг-лист премии им. И. П. Белкина и в шорт-лист премии им. Л. Толстого «Ясная Поляна».

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эдуард Веркин

Облачный полк

© Веркин Э. Н., текст, 2012

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

* * *

Предисловие

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.*

Эти строки написал Николай Майоров. В феврале 1942 года двадцатидвухлетний поэт погиб в бою под Смоленском.

Двадцать два года – совсем немного. Но все же больше, чем довелось прожить герою книги, которую вы держите сейчас в руках.

У них, наверное, ничего общего не было, у того деревенского парня и у поэта, студента московского университета. Ничего общего. Разве что гибель на войне. И мифы. Один их предвидел, а другой стал их героем.

Стал не по своей воле – так получилось. Но уже миф зажил своей собственной жизнью. Теперь, чтобы прикоснуться к нему, требуется немалое мужество.

Как оказалось, Эдуард Веркин – очень мужественный человек. Он решился говорить с читателем на тему не то чтобы табуированную, но очень нелегкую. Он решился поднять в своей книге вопросы, которыми мало кто задается. Он ре-

шился говорить не так, как говорят об этом обычно.

Впрочем, Веркин, кажется, никогда и ни о чем не говорит так, как говорят об этом обычно. То есть и слова вроде обычные, и темы самые обычные, даже сюжеты порой обыкновенные. Но Эдуард Веркин чуть поворачивает обыкновенный сюжет, находит, с какой стороны подойти к обычной теме, придумывает, в каком порядке расположить самые обычные слова, – и получает невероятный результат. Собственно, это и называется писательским талантом, подтверждение которому – пять побед подряд в крупных литературных конкурсах.

Однако даже на звездной полке Эдуарда Веркина, на которой живут сериал «Место снов», романы «Друг-апрель» и «Мертвец», «Облачный полк» стоит особняком. Дело в том, что действие предыдущих книг происходит в хоть реальной, хоть фэнтезийной, но современности. А «Облачный полк» – роман исторический. Его героям приходится не только переживать обычный для подростков кризис взросления, но и справляться с обстоятельствами, которые вовсе не успокаивают. Герои «Облачного полка» оказались заложниками этих самых страшных обстоятельств и вынуждены бороться с ними по-настоящему: с оружием в руках. Но сказать, что рядом с этими обстоятельствами меркнут все другие проблемы, которые обычно волнуют подростка, – это значит сказать неправду. Потому что всегда и везде для человека будут важны друзья и враги, отношения между людьми,

отношения с миром, первая любовь, познание себя. И честь. И честность.

Я очень боюсь рассказывать еще что-то об этом романе: трудно удержаться от спойлеров. Трудно, но необходимо. Потому что «Облачный полк» – это тот путь, который читатель должен пройти сам. Обязан пройти. Неслучайно московский журналист Шамиль Идиатуллин сказал о романе: «Его необходимо прочесть каждому, кто читает по-русски».

* * *

Прежде чем эта книга появилась в том виде, в каком вы держите ее сейчас в руках, больше тысячи читателей – и юных, и тех, кого принято называть взрослыми, – проголосовали за нее. Рукопись романа «Облачный полк» вышла в финал Национального конкурса на лучшее литературное произведение «Книгуру» и была опубликована на сайте конкурса, чтобы дальнейшую судьбу этого текста и еще четырнадцати других определило читательское жюри. Читатели присудили произведению Эдуарда Веркина безоговорочную победу.

Ксения Молдавская

Глава 1

– Как свистеть-то?

– Можно не свистеть, можно кричать.

– Кричать?

– Издавать боевые кличи, – поясняю я. – Вот так примерно.

Я кричу. Кажется, получается не очень: пискляво, как-то даже капитулянтски. Я от себя такого не ожидал. Вовка хихикает.

– Не страшно, – говорит он. – Совсем-совсем. Надо могу-че. Я про теннисистов видел передачу, они всегда кричат – так сильнее бить получается. И каратисты кричат. И штангисты – они тоже ведь толкают. Толкать, наверное, тоже с криком легче?

– Наверное.

– Тогда попробую.

Вовка набирает воздуха, сводит облезлые от загара лопатки и с чужим криком срывается с места.

Перепрыгивая через корни сосен, выставив перед собой руки, несется по песчаному откосу, врывается в нос лодки. Бешено месит ногами песок, зарывается почти по колено, рычит, упираясь лбом в водорез.

Лодка сдвигается сантиметров на двадцать, на полшага.

– Видел?! – победно кричит Вовка. – Видел, а?! А ты го-

ворил!

Он оставляет лодку, заходит по колению в реку, сует голову в воду. Минуту держит дыхание: легкие развивает.

Выныривает.

– Тут везде рыба мелкая сидит. – Вовка проглаживает ладонью волосы, отжимает влагу. – Килька какая-то наглая... Видел, как лодка сдвинулась? На метр!

– Так до вечера толкать будешь.

– Не, не до вечера. Уже немного совсем осталось, я уж до-толкую.

Вовка вновь поднимается по берегу, собирает створки жемчужниц. Кажется, он собирается сделать из них ожерелье.

– Еще раза три, – говорит Вовка. – Потом вода уже сама подхватит.

Вовка прячет жемчужниц в рюкзак, поворачивается к реке, разбегается, врывается в лодку – двадцать сантиметров.

– Ага! – Вовка пинает посудину в бок. – Вот так!

Возвращается, набирает высоту и обратно.

Этим он занимается уже почти час. Упорный. Я бы давно бросил. Взял бы вон ту жердину, подцепил киль, навалился плечом да и сдвинул. Или за корму раскачал, лодка бы и снялась. Но ему так неинтересно.

Я сижу на обрыве, греюсь, шевелю пальцами. Ага, суббота, суббота ленива, как старый пес. Особенно до обеда, смола и мед, и пахнет примерно так же, и в небе висят сонные

птицы, кажется, чайки, ну-ка...

– Это парaplаны, – перехватывает Вовка мой взгляд. – В Рыбачьем пять штук, по восемьсот рублей катают. Говорят, здорово. Над заливом и вдоль берега...

Вовка вздыхает.

– Твой дед меня убьет, – отвечаю я.

– Да он и не узнает, – отмахивается Вовка. – Он свечи менять думает, теперь целый день провозится.

– И отец убьет, – напоминаю я.

– Отец сам с парашютом прыгнуть собирается.

– Он уже двадцать лет собирается. Еще пару годков – и ни один парашют его уже не выдержит.

– Это да...

В полдень часы переворачиваются, время чуть ускоряется, и жизнь уже не так интересна. А с восьми до двенадцати – то что надо: чувствуешь перспективу. Минуты не спешат, и ты не спешишь вместе с ними. Можно забраться поглубже в кресло и смотреть на залив, на острую полосу воды между красными соснами. Иногда там мелькает белый парус, а иногда зеленый.

Сегодня никакого.

Вовка залезает на сиденье лодки, срывает бандану, машет в небо. Поскальзывается, падает в воду, поднимается, трава через плечо, выбирается на песок. Толкает лодку. Всё, мимо, устал.

– Опять не получилось, – говорит Вовка. – Тяжелая...

– Помочь?

– Не, не надо, завтра сам столкну. Все равно сегодня не успели бы.

Это точно: сегодня мы вообще редко куда успеваем.

– Пойдем, что ли...

Вовка смотрит на часы.

– Пойдем, а то опять орать будут. Весла только возьму...

Он сбегает к лодке, выворачивает весла. Тяжелые, почерневшие, настоящие весла с пиратских шлюпок. Забрасывает на плечи, продавливаясь в песок, взбирается наверх. Пытается насвистывать залихватское. Весла раскачивают его справа налево.

Мы шагаем сквозь сосны. Вовка цепляется веслами, а тащить их вертикально у него сил не хватает. Когда падает в четвертый раз, начинает ругаться. Сначала ругает весла, затем лодку, затем своего тренера, погоду и почему-то японцев; чем уж они ему не угодили? И белок, которые обнаглели и украли у него с утра две чурчелы. Они его доведут – возьмется за пневматику...

Весело у него получается, злобно. Очень скоро я понимаю истоки вдохновения: на крыльце нас уже поджидают. И скоро ругают уже Вовку. Занудно, долго, на два голоса, один мудрее другого. Мне надоедает это слушать, и я отправляюсь на веранду. Устраиваюсь в кресле, натягиваю валенки, вытягиваю ноги. Валенки в августе, сон в субботний полдень.

В двенадцать просыпаются звуки. Вовка притащил из га-

ража стремянку и разбирает антресоли. Гремит алюминиевой посудой, роняет чугуны и подшивки «Роман-газеты». Роняет котелки, футляр от аккордеона, старые пластинки с небрежными царапинами вдоль и глубокими поперек. Роняет брошюры о лыжном туризме и аквариумистике, связанные в плотные пачки. Брякает самоварами. Когда-то я коллекционировал самовары, можно сказать, был знатоком самоварного дела. До сих пор отличу по звуку: вот грохнулся настоящий столетний тульский пузан, двухведерный, с медалями; а вот – современный, легонький, хотя и тоже тульский, покатился, как консервная банка, – звук несерьезный.

А еще другие звуки: мопед, например. Дребезжащий и звонкий, похожий на будильник, спрятанный в кастрюлю; это у соседей справа (кажется, Ключниковы). Мальчишка и мопед – опасная смесь. Бездельник снял глушитель и ревет на всю округу, приводя в ужас окружающих пенсионеров. Сорок лет назад бездельник снимал глушитель, и двадцать лет назад снимал глушитель; бездельник всегда будет снимать глушитель и нарушать покой мирных жителей.

Вовка чихает – ветер несет пыль с дороги, а окна я летом не закрываю. Всех дачников, кстати, эта пыль чрезвычайно раздражает, а меня вот нет, мне нравится, что вокруг песок и сосны, а какой песок без пыли? Она плещется в забытых ботинках, скрипит в подшипниках велосипедов, окрашивает красным белоснежных резиновых лебедей. Но больше всего она, конечно же, любит черный лак «бумера», оседает на нем

оранжевым марсианским порошком. А я нарочно не вытираю.

Во-первых, это бесит старшего. Это его тайная машина. Он приезжает сюда раз в месяц, полирует бампер и диски, слушает мотор, сидит за рулем, смотрит на воду. Никуда почти не ездит, просто смотрит.

Во-вторых, это нравится Вовке. Он рисует по пыли чертей. Это, конечно, не настоящие черти, а какие-то мультяшные беззубые звери, названия которых я никак не могу запомнить. А еще он пишет на полировке «козявка», «грязнуля», «деда, я чешусь». От этой живописи старший приходит в сдержанное бешенство, но ругаться не осмеливается: боится, что младший рассердится и перестанет вывозить Вовку ко мне.

Голоса. Старший – сын, младший – внук. На даче прекрасная звукопередача, уж не знаю, отчего так, наверное, из-за воздуха. Чистый воздух, как барабан, – я все слышу. Ругаются из-за мяса. Младший жарит шашлык, а старший, оказывается, рассчитывал на кебаб. Говорит, что шашлык – это общее место: выйди к реке, и под каждой ракитой встретишь угрюмых людей с шампурами и тоской в глазах. Младший хихикает и предлагает познакомить старшего с одним хорошим ортодонтом, потому что, если уж человек переходит с шашлыка на кебаб, ему стоит серьезно озаботиться. Ну и так далее...

Из-за двери втягивается назойливый мясной дымок. Про-

сил у реки жарить, но они же ленивые, им не лень только собачиться (завтра залью им в мангал гудрончика – так, немного, для аппетита).

Собака, кстати, тоже брешет. Это у Лобановых. Пустолайка, соседи жалуются, а мне нравится: лает и лает, если лают собаки, значит, жизнь продолжается.

Вовка спрыгивает со стремянки, чихает, потирает нос, протягивает мне блестящую коробочку.

– Это что?

– Папиросница. Очень удобная вещь: вот сюда сыпешь табак, вот сюда вкладываешь бумагу, поворачиваешь ручку – и получается папироса.

– Зачем?

– Курить.

– Понятно. А я думал, вы раньше только трубки курили.

– Я вообще не курил.

– А зачем тогда папиросница? Это память?

– Ага.

Вообще-то это не память. Вообще-то это я махнул не глядя. Перочинный ножик с серебряными накладками, пять лезвий, отвертка, штопор и даже маленькие такие ножнички, сбоку выдвигаются. Но в «махнемся» свои правила: можно очень удачно поменяться, а можно ложку на вилку. Хотя с другой стороны, память, конечно. Все тогда были в таком настроении: обнимались, кричали, менялись неделю, как пьяные. Вот и я поменялся. И не жалел: память на самом деле.

И работает до сих пор. Лет восемь назад работала...

– А можно это мне будет, а не Петьке? Ну, потом?

– Можно. Только Петьке надо тоже что-нибудь оставить.

Он ведь тоже мой правнук.

– Зачем? – морщится Вовка. – Он к тебе раз в год приезжает, а мы почти каждую неделю. Пусть дырчик в сарае берет, он технику любит. А мне папиросница, я курить буду.

Вовка трет папиросницу пальцем, возвращается на стремянку, роняет очередной самовар.

– Осторожнее там.

– Нормально, – щурится от пыли Вовка.

– А как ключица?

– Тоже нормально. В четверг ездили на рентген, два часа проторчали.

– Чего так?

– Дедушка ругался, чтобы мне выдали свинцовые трусы, а врач говорил, что в этом аппарате свинцовые трусы уже не нужны. Но дедушка очень рассердился и стал кричать, что ребенок без трусов в аппарат не войдет!

Вовка хихикает.

Свинцовые трусы. Это очень похоже на моего сына.

– И что же дальше?

– Дальше доктор тоже стал кричать. Он очень сильно покраснел, стукнул кулаком по рентгену и куда-то ушел. А потом вернулся.

– С трусами?

– Ага. Только они оказались очень большие и тяжелые, я их даже от пола оторвать не мог. Дедушка сказал, что он пойдет со мной в камеру и подержит трусы за меня, пока доктор будет фотографировать. На что доктор ответил, что рентген не баня, туда вдвоем не ходят.

Теперь смеюсь уже я.

– Тут как раз в поликлинику папа приехал, – продолжает рассказывать Вовка. – Сказал, что доктор прав, можно и без трусов. Это немецкие аппараты, они совсем не излучают. Так что дедушка может оставить свое мракобесие...

Вовка ухмыляется: наверное, представляет, что такое мракобесие.

– Так вот, дедушка пусть прекращает беситься и не мешает лечить ребенка, у него скоро соревнования. Нечего из-за своих мохнатых предрассудков ставить под угрозу спортивное будущее.

Мохнатые предрассудки Вовку не веселят. Спортивное будущее. Это уже похоже на моего внука.

– И чем дело закончилось?

Вовка пожимает плечами.

– Приехала мама.

– Понятно.

Мама у нас серьезная девушка.

– Так что с ключицей у меня уже все в порядке. На рыбалку можно, на стремянку тоже. На чердак. Я кеды специальные надел.

Вовка демонстрирует кеды цвета свежей лягушачьей кожи.

– Хорошие тапки.

– Тогда на чердак? В прошлый раз ведь недоразобрали...

Но отправиться на чердак не получается – дверь на веранду открывается, и являются оба, и оба сразу впиваются в Вовкины кеды.

– Опять на чердак лезете? – недовольно спрашивает мой сын.

– Да пусть лезут, там же здорово, – говорит мой внук. – Сети висят, лампа керосиновая, «Моделист-конструктор»... Я там все детство просидел.

– Это заметно. Лучше б ты за партой просидел. Ты, между прочим, в этих сетях едва не задавился, помнишь? Я уж не говорю про «Конструктор»...

Сын поворачивается ко мне, протирает платком очки. Потееет. Толстый. Нервный. Старый. Никогда не думал, что у меня будет такой старый сын.

– Отец, ты помнишь, как он арбалет смастерил? – сын смотрит на меня. – Мне же потом перед родителями того мальчика неделю пришлось извиняться! Чердак! Там же пыль, там же прах, там же микробы кишат! У ребенка от вашего спорта иммунитет ослаблен – он носом постоянно хлопает. Он же аллергик! Какой ему чердак?!

– У каждого мальчишки должен быть свой чердак, – тут же возражает внук. – Штаб на дереве или шалаш...

Тоже, кстати, толстый. Толстеющий. На затылке заметная складка, так и хочется за нее подержаться, какой ему парашют... Никогда не думал, что у моих внуков на затылке будет такая складка.

– Не надо мне рассказывать про шалаш! – едва не взвизгивает сын. – Не надо мне про ночевки рассказывать! Ночевки... Я до сих пор не могу радикулит залечить! Чердак... Ты еще снежный дом вспомни!

Они опять начинают ругаться.

Мой сын и мой внук ругаются почти всегда, сколько я их помню вместе. Конфликт поколений, ничего не поделаешь. Внук говорит, что нечего проецировать свой непроходимый ридикиоль на десятилетнего пацана. У него пока никакого радикулита не предвидится, ему нужно думать о спортивном будущем, а не о позвонках прародителя. Сын возражает. Кричит (он почти всегда кричит), что мальчику необходима интеллектуальная пища, из него же не получится хоккеист, никогда не получится, это видно, пора прекратить издеваться над ребенком и увидеть, к чему у него есть предпочтения, а предпочтения у него зримо гуманитарные...

Вовка трет уши. Родители ссорятся. В конце концов происходит то, что происходит всегда: они забывают про нас, выходят в сад и продолжают браниться уже там. Вдруг младший начинает ругаться особенно громко, просто яростно, собирается кого-то убить, порвать на протирку, пустить на фантики. Старший смеется. Младший кричит в бешенстве.

Кажется, у них пропало шашлычное мясо из кастрюли. Это лобановская Пустолайка. Она ко всем заглядывает, попрошайничает, хотя хозяйева ее хорошо кормят, просто такая вот натура. Ну а если что плохо лежит...

Младший вопит, что теперь надо ехать за мясом и начинать все сначала, а уже почти час; старший отвечает, что это знак судьбы, пора давно отказаться от этих вульгарных шашлыков, да и вообще от мяса, можно ведь купить креветок, ароматные перцы, индейку, на крайний случай люля-кебаб. Про нас они забывают совершенно, отправляются за кебабом. Или за креветками. Становится очень тихо. Ну, кроме мопеда – он орет.

– Ну, что делать-то будем? – спрашивает Вовка уныло. – Потренируемся, может, если на чердак все равно нельзя. Папка говорит, «рыбку» надо до четырех минут доводить...

– А сам он сколько держит?

– А нисколько: у него же давление. Ну что, за секундометром бежать?

– Не бежать. Полезем на чердак.

– Так там же пыль... – Вовка смотрит в потолок. – Аллергия может обостриться...

– Аллергия везде может обостриться. И всегда. И вообще, немного грязи не повредит, знаешь ли. Надо закаляться, мы всегда закалялись. Вперед.

Мы отправляемся в пристройку, долго приставляем лестницу к лазу, примеряемся. Вовка ползет первым, я за ним.

Чердак. Сети. Они тут висят, наверное, с... не помню. С Гагарина точно. Мы как тогда на Азовское море смотались, так я их сюда и повесил. Чтобы пахли солью, рыбой, чтобы чешуя блестела в ячейках, чтобы... Не знаю, когда развешивал эти сети, я вспоминал Ассоль и шпроты.

Вовка пробирается через сети, запутывается, распутывается, снова запутывается, смеется. В воздух поднимается серебристая пыль.

– А удочек нет? – Вовка выуживает из ячей засохшего пескаря (специально туда прицепил). – Бамбуковых?

– Зачем тебе? У тебя же пластиковые есть.

– Есть. Просто бамбуковые... – Вовка кусает пескаря в бок. – Соленый... Раньше ведь только бамбуковыми ловили.

– Пластиковые лучше.

– Лучше. Но бамбуковые ведь совсем другое дело, правда?

– Правда.

– Вот и я говорю...

Вовка садится на диван, провалистый и музыкальный. Диван скрипит, выдувая из себя, как из меха, фонтаны пыли. Это уже другая пыль – ее можно легко собрать в кулак, слепить птичку, как из хлебного мякиша.

– А в диване что? – Вовка стучит по красноватой обшивке.

– Ничего. Раньше в диваны ничего не складывали. Только скелеты.

– У тебя скелет там? – Вовка перестает подпрыгивать.

– Обязательно.

Вовка смеется. Но с дивана поднимается. Подходит к книжному стеллажу. В прошлый раз он разобрал его до второй полки. Но сегодня Вовка книгами не интересуется, стягивает с полки патефон.

– Пластинки там, в корзине.

Но пластинки Вовку тоже не интересуют. Он пристегивает к аппарату ручку, накручивает пружину, запускает механизм.

Я хочу еще раз предложить пластинки, но вдруг понимаю, что дурак: Вовку совсем не это интересует. Некоторое время мы сидим в чердачной тишине, прислушиваясь к потустороннему хрусту шестеренок, глядя на медленно вращающуюся тарелку. Ее шепот прерывается резким щелчком, Вовка закрывает крышку патефона, легко поднимает аппарат на третью полку – хоккеист как-никак.

– А ты что, шкаф с шубами уже убрал? – спрашивает он.

– Еще в мае, – отвечаю. – Убрал: в нем моль завелась, все шубы сожрала.

– Жаль. А то там интересно было. Шубы – здорово. У нас дома ни одной нет – мама животных защищает, ну, ты знаешь. А это что там?

Вовка возвращается к сетям, пробирается через них, снимает зеленую пластмассовую коробочку, подвешенную с краю.

– Блесны... А зачем тебе блесны, да еще зимние? Ого,

финские, настоящие! Можно?

– Бери, конечно.

Вовка достает блесны, разглядывает, пробует крючки на ноге.

– Как лед станет, на рыбалку пойдём, – обещаю я. – На каникулах.

– Мы в Ярославль едем на каникулах, там же первенство. Нормальные блесны, сейчас таких нет... Ручная работа, кажется, посеребренные.

Вовка бродит в сетях, опрокидывает с полки банку с крошеным пенопластом – падает снег.

Я смеюсь.

Вовка выбирается из сетей, в чешуе, в пенопласте, довольный.

– А правда, что папа говорит? – спрашивает он.

– Что?

– Ну, что ты двадцать немцев убил.

– Двадцать?

– Двадцать. Это только из автомата!

И это только из автомата. Да...

– А еще семерых штыком заколол!

– Заколол?

– Ага. А остальных из ППШ.

– А ты откуда про ППШ знаешь?

Вообще-то я не очень удивлен, я давно уже не удивляюсь. Другие, новая порода, не такие, как мы. Но почему-то их я

понимаю. Старшего не понимал, с младшим как с пришельцем разговаривал, а с Вовкой все не так. Хотя, может, это я в детство впадаю постепенно? Уже, пожалуй, пора. Давно пора вообще-то...

– У всех во время войны был ППШ, у тебя тоже должен быть. Или у тебя МП 40?

– Это смотря для чего, – отвечаю я. – Если к составу идти, то лучше с ППШ. А если так, то МП. А вообще мы с пистолетами больше ходили, так удобнее.

– Почему?

– А ты откуда столько про оружие знаешь? – вопросом на вопрос.

– А, – машет рукой Вовка, – книжки читаю.

Книжки он читает – это точно.

– У нас все почти в классе читают. – Вовка направляется к буфету, до него он в прошлый раз не добрался. – А тут что?

– Не помню.

– Посмотреть можно?

– Конечно.

Вовка открывает буфет, нюхает пыль.

– Тут посуда одна битая... – Вовка слегка разочарован. – Но выкидывать, конечно, нельзя, сейчас стекляшки, а через пятьдесят лет на это яхту купим. Пыль сдуть не надо, она предохраняет. Да и сам буфет тоже ничего, его уже сейчас в кино можно снимать.

Вовка бережно закрывает дверцы.

– Это наш родовой буфет? – спрашивает Вовка.

– Да, – отвечаю я.

Это, конечно, вранье, но знаю про это только я. Так что это уже наш родовой буфет. Его купил еще мой дедушка сразу после Крымской войны.

– Отличная вещь, лак как вчера положили, – Вовка стряхивает прилипший к буфету пенопласт. – Папка рассказывал, как он вырезал звездочку, а ты его выпорол. На левой дверце... А, вон она!

Вовка находит накорябанную звездочку, разглядывает ее неодобрительно.

Вовка любит старинные вещи, мимо «Антиквара» никогда не проходит. Вместе лезем в подвал, под подкову, под колокольчик. Я сижу на раритетной чугунной скамейке, Вовка бродит по рядам, разглядывает значки, велосипедные фонари, наборы аптекарских гирек, дореволюционные будильники – все то, что валяется в изобилии на каждом чердаке от Москвы до Владивостока. Листает старые альбомы, рассматривая через лупу желтые фотографии незнакомок, шупает открытки. Кажется, на день рождения он просил у отца металлоискатель. А тот подарил ему коньки. Профессиональные, из какой-то там особой стали, ею можно трубы рубить. Зачем коньками рубить трубы?

– Сундук мы в прошлый раз так и не открыли, не успели. Давай сегодня, а?

Вовка снимает со стены связку, начинает подбирать ключ:

постукивает по замку, некоторые ключи разглядывает пристально, в другие свистит.

– И что же вы там читаете? – спрашиваю я.

– А, всякое... – Вовка пробует очередной ключ. – Про выживание разное, про мутантов... Про краеведение. Но это я только, остальные это не очень любят, конечно.

– А про оружие в краеведческих книгах написано? – улыбаюсь я.

– Не, в краеведческих про краеведение. Почему реки так называются, где раньше дороги проходили, про монастыри. А оружие – это где про ядерную войну.

– Про ядерную войну?

– Угу.

Вовка подбирает ключ, замок щелкает, Вовка отскакивает, настороженно смотрит на меня.

– Сундук, – говорю я. – Еще твоему... прапрадеду принадлежал. Он его сам, кажется, и сделал.

– Обычный? – подозрительно спрашивает Вовка.

– Самый что ни на есть.

– Ага... Я читал, есть такие сундуки... Хитрые. Сундуки-убийцы, короче. Ты его открываешь, а оттуда стрела отравленная. Или дротик. Или механический скорпион. Мера предосторожности от кладоискателей. Так вот.

– Этот без дротика, – уверяю я.

Вовка возвращается к сундуку, подцепляет за ручки крышку, толчком, по-штангистски, выбрасывает ее вверх,

откидывает к стене.

– Ого!!!

Вовка произносит это «ого» с таким восхищением, что у меня возникает подозрение, что содержимое сундука каким-то чудом подменили и теперь вместо старого барахла там лежат каперские сокровища.

– Да...

Он вытирает руки о штаны и достает из сундука ремень.

– Твой?

– Кажется...

– Военный?

– Ага.

На самом деле ремень не военный, им я обзавелся уже сильно после. Не могу понять, отчего не выкинул... Хотя раньше вообще мало вещей выкидывали.

– Со звездой, как надо... – Вовка придиричиво изучает зеленень, поселившуюся на бляхе, недовольно морщится. – Нужно пастой почистить...

Он надевает ремень. В свое время я наделал в нем дополнительных дырок почти до половины, отчего ремень оборачивался вокруг меня ровно два раза. Удобная была вещь. Особенно спать хорошо: затянешь поплотнее, на пузо под пряжку тетрадку засунешь – и есть ночью вроде как неохота.

Застегивает пряжку на последнюю дырку и подсовывает руки под ремень.

– Ничего ляпка, – говорит он. – Сколько лет, а как но-

венький, даже не протерся. А мне мама купила – так через два месяца порвался... А правда, что на ремне бритву раньше точили? В кино показывают.

– Можно и на ремне. Но у меня брусок особый был.

– Ясно...

Достает побуревшую от времени матерчатую сумку. Не открывает, изучает так, ощупывает.

– Противогаз, видимо... Точно, противогаз...

Вытряхивает маску, жестянку фильтра, трубу, похожую на кишку.

– Так... Газы!!

Натягивает маску, открывает клапан фильтра, смотрит на меня, машет руками. Противогаз ему велик, само собой.

– М-ж-м-щ! – мычит Вовка.

Он сует мне телефон, показывает кнопку, куда нажимать. Мобильник издает звук затвора. Щелк. Вовка показывает палец, я щелкаю еще раз.

Сдергивает противогаз.

– Потом на «Кэнон» еще сфоткаемся? Только на твой, полноматричный, ладно?

– Ладно, – соглашаюсь я. – Зачем только?

– Ну, просто, пригодится. Я потом фоном биохазард прифотошоплю, – объясняет Вовка, – а у Крупнова «Калаш» возьму, ММГ, конечно. Нормально получится. А если по-настоящему, то размерчик не мой. Велик, в реале в таком не продержаться. Но если надо, я могу через Интернет заказать

хорошие английские маски, если интересуешься.

– Да нет, не интересуюсь. Я в ядерную войну не очень... верю.

– Ну, не обязательно это будет война, – наставительно говорит Вовка. – Все может случиться. Крушение состава с хлором, к примеру.

– Это да, – соглашаюсь я. – Крушение запросто. Только железной дороги у нас не проходит.

Вовка секунду думает, потом говорит:

– Подводная лодка может на отмель выброситься. Атомная. А там утечка радиации, или биологическое оружие еще лучше.

– Тогда конечно, – соглашаюсь я. – Пожалуй, ты на самом деле закажи.

Вовка деловито корябает в телефонной напоминалке. Теперь у меня будет отличный английский противогаз. На случай атомной подводной лодки.

Отечественный противогаз Вовка умело сворачивает и прячет в сумку.

– А это что?

Вытаскивает из сундука вишневый футляр.

– Погоди! Погоди! – он машет рукой. – Угадаю! Это старинный... миксер?

Миксер. Я это слово первый раз в восемьдесят втором услышал, когда старший из ГДР вернулся.

– Нет? – Вовка стучит по футляру. – Не миксер... Ариф-

мометр?!

Арифмометр, конечно, мечта. Прошлым летом в Костроме торговые ряды, лавка «Сусанин». Вовка увидел прибор с блестящими цифрами, рычажками и колесиками и мигом опознал в нем дифференциальную машину, чем крайне заинтересовал продавца. Началась беседа о малознакомых мне вещах: о стимпанке, об альтернативной истории и о преимуществах немецких металлоискателей перед японскими. Разговор знатоков закончился приобретением менее дорогого механического шагомера, но арифмометр из Вовкиной памяти не стерся – придется подарить на день рождения.

Зачем ему арифмометр? Я в его возрасте мечтал о велосипеде... Впрочем, велосипед у Вовки уже есть. И компьютер. И вертолет на радиоуправлении. И робот-собака: она понимает команды, приносит тапочки и поет протяжные корейские песни.

Арифмометра нет.

– Это не арифмометр, – говорю я.

Вовка бережно потряхивает футляр.

– Тогда, наверное, фотик... Ты ведь и раньше фотографией увлекался. Наверное, это твой?

Вовка открывает футляр, достает аппарат.

– Welta Weltix, – читает название. – «Вельта Вельтикс»?

Трофейный?

Вовка рассматривает камеру с разных сторон.

– Так там пленка вроде бы. Это еще военная?

У меня догадливый правнук.

– Ого! – Вовка бережно ставит «Вельту» на стол. – А почему не проявишь? Там же, наверное, снимки важные. Можно было бы напечатать...

– Она засвечена.

Я сдвигаю замок, поднимаю заднюю крышку. Коричневая пленка, сильно смятая. Тридцать шесть кадров.

– А что там было? Важное?

Вовка пытается разглядеть что-то на пленке.

– А чего не выкинешь? Если она все равно испорчена? Зачем хранишь?

Я молчу.

– Правильно, что хранишь, – кивает Вовка. – Сегодня нельзя проявить, а завтра можно будет, техника ведь на месте не стоит. Придумают новый сканер, глядишь, и увидим.

Это да. Техника. Может, лет через двадцать. Дожить бы.

Вовка рассуждает:

– Вообще все вещи не надо выкидывать, они со временем только дорожают. Кроме того, старые вещи – это ведь память. Берешь какую-нибудь там ложку и вспоминаешь. Я вот еще в детском саду язык о ложку ожег. Она на плите лежала, а я ее за кончик взял и зачем-то лизнул. Потом месяц разговаривать не мог. С тех пор как ложку увижу, сразу чувствую, как язык щиплет. А ты что тогда чувствовал?

– Когда? – не понимаю я.

– На войне. Что ощущал? – продолжает допытываться Во-

вка. – Ну, внутренне? От обычной жизни чем отличается?

– Внутренне? – переспрашиваю я.

– Ага. Я объясню, – говорит Вовка. – Вот сейчас солнечно. Мы на чердаке сидим, а все равно солнечно – это чувствуется. И заливом пахнет, и пылью, спать еще охота. А завтра воскресенье, и с утра можно пойти ловить бычков. И поэтому у меня сейчас очень *субботнее* настроение. Ну, ты понимаешь?

– Примерно.

– А вот если в понедельник начинались бы каникулы, то настроение было бы еще субботнее. У тебя случается субботнее настроение?

– Конечно. В последнее время у меня почти всегда настроение субботнее.

Вовка вздыхает с завистью. Школьники вечно завидуют пенсионерам. Не знают, что у субботнего настроения всегда есть утро понедельника.

– А на что похожа война? – снова спрашивает Вовка. – По ощущениям?

Сразу я не отвечаю, какое-то время думаю, стараясь подобрать слова. Вовка ждет. Надо купить ему камеру. Он, кажется, фотограф, как и я. Жизнь для него не календарь событий, а альбом ощущений. Полированная сталь папиросницы, липкая резина противогоза, пыль и рыбный запах сетей. Война – он читал энциклопедии, смотрел фильмы, играл на компьютере и спорил на оружейных форумах. Но не понял.

– Война похожа на болезнь, – отвечаю я.

Вовка шевелит бровями.

– На грипп. Когда болеешь гриппом, поднимается температура. Вот когда ты в феврале болел, у тебя было тридцать девять и пять. Что помнишь?

– Как пришибленный себя чувствуешь. Как будто... – теперь думает уже Вовка, вслух. – Как будто все происходит не с тобой, а рядом. В параллельном мире... Так?

– Примерно.

Я беру аппарат. Камера тридцать девятого года кажется сегодня игрушкой.

– И есть все время охота.

– Когда болеешь, есть неохота, – возражает Вовка. – Охота спать.

– Спать тоже охота, почти всегда. И почти всегда холодно, даже летом.

Я прячу аппарат в футляр.

– Понятно. – Вовка снова смотрит на сундук. – В общих чертах. Погано, наверное?

– Наверное. Все время надо куда-то идти, каждый день, и все время ты отчего-то просыпаешься, каждый день по пять раз просыпаешься... Короче, ты больной, с распухшей головой бредешь по снегу через вечный понедельник. При этом понимаешь, что вторника может и не случиться.

– Нормально...

Вовка закрывает глаза и представляет войну. Недолго, ми-

нута – и он легко выкидывает из головы всю эту лишнюю чушь.

– Понятно в общих чертах, потом подробнее расскажешь, хорошо?

– Хорошо.

Вовка выбирает из сундука на свет чуть приплюснутую зеленоватую пачку.

– Табак? – Вовка нюхает плотную бумагу.

– Махорка.

– Шестидесятый год... – с некоторым разочарованием читает Вовка на пачке.

– И спички еще там где-то были. С шестидесятого года, тогда как раз все опять войны ждали – запасались.

– А она к папироснице подходит? – Вовка кивает на машинку.

– Хочешь попробовать?

– Ага. Только бумаги нет...

– Почему же нет? Полно.

Я приношу от чердачной печки толстый рекламный справочник и телефонную книгу.

– Бумага точно такая же, только крашеная. Разрезаешь втрое лист, вставляешь вот в эту щель...

– Я попробую?

– Давай.

Вовка начинает возиться с махрой и бумагой. Я иду к окну, футляр с аппаратом в кармане. Сажусь на книги, смотрю

рю на залив. Футляр с камерой оттягивает шорты. По берегу залива ползет черная капля «бумера»: это наши возвращаются из поселка, купили мяса, будут опять его жечь до вечера. А как стемнеет, фейерверк запустят, что-то они в последнее время пристрастились. Внук говорит, что фейерверки его успокаивают, что если бы ему выдали вторую жизнь, то он стал бы фейермастером. Я в целом не против фейерверков, правда, меня пугают звуки. Но я им не запрещаю: в моем возрасте глупо что-то запрещать.

Шашлык, фейерверк, суббота.

Это на самом деле похоже на болезнь. И на смерть тоже, только я Вовке об этом не сказал. И еще на сорок разных вещей это похоже. А когда я был там, мне все время казалось...

Ладно. Мне все время что-то кажется, всю мою жизнь. Я очень мнительный: я не люблю черный цвет, берегу соль и руки мою всегда два раза. Если бы Вовка узнал, засмеял бы: он крайний материалист, как все дети его возраста.

Он сидит за столом и сворачивает папиросы с помощью старинной машинки. Их уже восемь штук.

Восемь штук – обойма, однако.

– Так что там на пленке-то было? – спрашивает Вовка и скручивает еще одну папиросу.

Глава 2

Тропка расхлябалась, шагать стало трудно, приходилось много смотреть под ноги и мало вокруг. Мне так не нравилось – мне хотелось смотреть на реку. Берег подмыло, в глине образовались заедины, из них выставлялись космы корней с налипшим речным мусором – похоже на гривы старых неопрятных русалок. Осины наклонились, нависли над омутами и сыпали красным. Над рекой росло слишком много осин; я не очень люблю это дерево. Осиновые листья падали в воду: половину уносило течением, другую прибывало к нашему берегу. Получалась красная вода – красиво, даже несмотря на погоду.

Сентябрь. Льет каждый день, все вокруг сырое и скользкое. В прошлом году сентябрь был, кажется, солнечный, теплый. В этом – наоборот. От влажности в землянке расплодились ползучки; не знаю, как они правильно зовутся, сколопендры, наверное, Саныч зовет их стасиками. Перед сном приходится жечь махру, а еще табачным настоем брызгаться, иначе стасики пробираются под одежду греться и при любом движении впиваются в кожу, после чего на укушенном месте вздувается болезненная шишка. Лучше бы уж клопы: те нажрутса быстренько – и спать, не беспокоят до утра; и укусы у них тоже полегче, и вообще... Клопы все-таки привычные твари, поганые, конечно, но не настолько. Но клопов теперь

у нас не водится. Как ползучки появились, так все клопы куда-то делись; Саныч говорит, что стасики их сожрали. Хорошо бы от них что-нибудь найти, дуст какой, керосин-то на них совсем не действует. Или пробку попробовать нажечь, а еще лучше ногти, жженные ногти даже тараканов отпугивают...

Стал думать, чем отвадить ползучек, отвлекся от тропки – нога поехала, я поскользнулся и влез в грязь почти по колено. Дернулся – грязь держала крепко, не отпускала.

– Погода не подвела. – Саныч поглядел на мою ногу. – Лучше не придумашь.

– Ага, не придумашь...

Я наклонился назад, потянул ногу всем весом, выдернул, полпуда грязи на ботинок налипло.

– То что надо, – подтвердил Саныч. – Грязь – подруга партизана. Ни один немец по такой грязи в лес не сунется. Тут танки встрянут, не то что мотоциклетки. И пешком тоже не полезут. Не полезете ведь?

Саныч ткнул гада в шею. Тот промолчал.

– Молчи-молчи, – усмехнулся Саныч. – Ничего, заговоришь скоро... Давай, двигай первым, крыса поганая.

Гад двинулся. Устойчивый, руки за спиной связаны, а падает редко. Ловкий. А Саныч прав, наверное. Про грязь-подругу. В такую жижесть ни один дурак из дома не высунется. Дожди не прекращаются, реки совсем как весной разлились, какая война сейчас, до зимы надо ждать. Раньше, кстати, во-

обще только зимой воевали.

– Тут еще километра полтора вдоль... Ничего, успеваем. Давай, поторапливайся!

Полтора километра не получилось, берег стал опускаться, вместо осин начался шиповник, утопавший в воде почти на полметра, местность сделалась окончательно непроходимой – снизу вода и корни, сверху окостеневшие иглы. Саныч выругался и повернул обратно, решил идти в обход, опять через лес. Отсюда вода убралась дня три назад, но земля не просохла, грязные лужи с пеной по краям, перемолотый древесный мусор, мочала, обвитые вокруг стволов. Даже с виду все это выглядело малопроходимо, но Саныч был упрям: поворачивать во второй раз не хотел.

– Пойдем здесь.

И пальцем показал где.

Побрели через грязь. А дело, между прочим, к вечеру, и ноги уже безнадежно не просохнут, до лагеря можем и не успеть, тогда ночевать в этой сырости.

Зато без стасиков. Хотя тут вполне могут водиться какие-нибудь свои стасики, еще гаже наших. Так ведь всегда: не клопы, так стасики, никуда не спрятаться от них... А на левом ботинке подошва уже есть просит, надо Лыкову отнести в ремонт, а если сейчас в эту болотину сунуться, может и вообще отвалиться, и тут уж босиком по лесу не поскачешь.

А у гада сапоги.

Хорошие, сплавщицкие, высокие, на них и попался, кстати. Тяжелые потому что – удрать не получилось. Я тоже раньше такие носил, так Саныч меня в первый же день заставил снять и по шее еще прибавил. Сухо в них, конечно, сухо, но далеко в таких не побегаешь.

– Вперед, чего встал? – повторил Саныч и ткнул гада палкой.

Гад ссутулился еще больше, вобрал голову, потопал. Шагов через тридцать запнулся за корягу, упал и съежился, выстрела ждал, дурак, видимо. Кто ж стрелять на пустом месте станет?

– Поднимайся, – приказал Саныч.

Гад начал подниматься. Долго это у него получалось – очень трудно встать на ноги в луже, если к тому же у тебя руки за спиной связаны. Но ничего, оперся об осину башкой, справился. И почти сразу же упал снова.

– Мешок надо снять, – сказал Саныч как-то скучно.

– Как? – спросил я. – Он же...

Саныч махнул рукой, потрогал большим пальцем ТТ.

– Ладно... Гад! – Саныч пнул гада в ногу. – Гад, ты меня слышишь?

Гад кивнул.

– Хорошо слышишь. А шагаешь ты что-то не очень... Наверное, тебе видно плохо, да?

Гад отрицательно замотал головой. Еще бы, понимает. Что если мешок сейчас снимем, то всё, пуля.

Мешок вообще хорошая штука, нарочно для таких случаев. В нем еле-еле видно, только под ногами, ну, может, еще на метр вперед. Шагать можно особо не запинаясь, а дорогу не запомнишь, как ни старайся. Саныч придумал. Он рассказывал, что они так раньше в фохана играли. Водящему на голову надевали мешок, давали в руки палку, ну или плетку, что придется, а сами по очереди к нему подкрадывались – кто пинка, кто кулаком по хребтине, но самым-самым считалось в лоб влупить. Ну а водящий отбивался – и кому попало, тот сам водящим становился. Теперь мешок и в других отрядах используют, очень языка удобно в нем водить.

– Плохо видно? – переспросил Саныч.

– Нет! – выдал гад. – Нет, хорошо видно!

Разговорился, сволочь.

– Ну а если тебе хорошо видно, то шагай быстрее. Фашистам жопу быстро лизал?! А сейчас чего не торопишься?!

Саныч снова ткнул гада палкой. Тот пошагал. Мы за ним. Вода в лужах была неприятно холодной, щипала за пальцы. Саныч руководил продвижением, тыча палкой гада то в левое, то в правое плечо. Иногда он еще приговаривал «тпру» или «но, скотина», или просто ругался, обещал гада пристрелить вот прямо здесь, на месте, он имеет на это право.

– Ты про указ слышал? – спрашивал он. – В «Правде» печатали. Ах да, забыл, вы ведь «Правду» теперь не читаете, звиняйте, звиняйте, герр фашист. Так вот, указ вышел, называется «О предателях Родины». Каждый, кто встретит

предателя Родины, должен препроводить его в местные органы советской власти. Если же такой возможности нет, то надлежит расправиться с предателем самостоятельно, своими средствами. За каждого обезвреженного предателя полагаются продовольственные карточки в тылу и сухой паек за линией фронта. Вот мы тебя сейчас шлепнем, документики твои полицейские заберем, уши твои к ним приложим – и нам пять банок тушенки выдадут. А? Мить, ты тушенку любишь?

– А то, – вздохнул я. – Люблю. Кто ее не любит-то?

– Вот и я тоже люблю. Шлепнуть, что ли... Нет, это слишком легко. Шлепнуть! Мы его Ковальцу отдадим!

Саньч подмигнул.

– Может, не надо? – подыграл я. – Сразу Ковальцу...

– Не, точно Ковальцу. Пусть он с этим... разберется. Помнишь, как он с тем власовцем разобрался? Потом три дня по кустам шматки собирали. Так что, герр покойничек, готовься, – Саньч ухмыльнулся. – В ближайшее время ты узнаешь много нового о своем организме, – пообещал он.

Здорово сказал, я позавидовал немного. Саньч все-таки человек выдающийся, умеет. И стрелять, и сказать. Наверное, это из-за того, что он газеты любит читать. Он их читает, а потом свое составляет. Ему, наверное, самому уже можно в газеты писать, надо, кстати, спросить...

– Ты не переживай, – продолжал Саньч. – Не беспокойся, Ковалец тебя недолго, у него долго никогда не получается,

он нетерпеливый очень... Ты не вались, не вались, ногами двигай, а то я тоже рассержусь. А я хоть и не большой специалист, но зато терпеливый, с предателями Родины у меня длинный разговор. А иногда и короткий – чик-чирик.

Гад хрипел и хлюпал носом, а Саныч смеялся, говорил, что гад будет у него пятидесятым, или пятьдесят шестым, он уже сбился со счета. Что гад очень ошибся, связавшись с фашистами, фашисты уже покатались, а всех, кто это время целовал им пятки, скоро развешают по фонарям. Но на всех гадов, конечно, фонарей не хватит, оказалось, что скотов у нас в стране неожиданно больше, чем столбов, но это ничего, осин зато достаточно – лес у нас густой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.